

УДК 8

DOI 10.21661/r-558756

Полякова А.Н., Сегал Н.А.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ

***Аннотация:** статья посвящена исследованию особенностей языковой репрезентации природной лексики в лирике А.А. Ахматовой. В ней описываются принципы составления частотного словника наименований растений, дается классификация флористической лексики, подробно рассматривается лексико-семантическая подгруппа «Травянистые растения». Авторами выявляется специфика индивидуально-авторского видения флористической лексики с учетом образных средств, эксплицирующих номинации растений в художественном тексте.*

***Ключевые слова:** индивидуально-авторская картина мира, номинация, лексико-семантическая группа, метафора, образ, эпитет.*

Индивидуально-авторская картина мира, которая понимается современными исследователями как фрагмент картины мира, отраженный в тексте, имеет субъективный, творческий характер, проявляющийся в выборе объекта и ракурса изображения, определенного среза или аспекта реального мира, увиденного через призму определенных индивидуально-авторских оценок. Индивидуально-авторская картина мира воплощается в текстовой деятельности автора.

Рассмотрим понятие индивидуально-авторская картина мира в исследованиях ученых. Так, с точки зрения Л.О. Бутаковой, «индивидуально-авторская картина мира – часть общеязыковой в той мере, в какой творческое сознание является частью общенародного. Степень совпадения в каждом случае разная и зависит от творческой манеры автора» [3, с. 94]. А.Ю. Пономарева в статье «К вопросу о соотношении национальной, индивидуально-авторской и художественной картин мира» приводит следующее определение данного феномена: «Инди-

видуальная <...> картина мира <...> является продуктом сознания одного индивида и представляет собой совокупность стабильных и изменчивых элементов, т. к. она, с одной стороны, основывается на коллективной картине мира, менее подверженной изменениям, а с другой – конкретизируется и дополняется на протяжении всей человеческой жизнедеятельности» [4, с. 20].

Таким образом, индивидуально-авторская картина мира предполагает особенности восприятия и, как следствие, специфику текстового отображения окружающей действительности характерного для определенного автора. Именно этим и обусловлен выбор предполагаемой темы, направленной на изучение особенностей метафоризации природы в лирике А.А. Ахматовой.

При анализе лирики А.А. Ахматовой нами было выявлено 374 контекста, в которых употребляются лексические единицы, содержащие в структуре своего значения семантический компонент «растение». Выявленные лексические единицы растительной семантики по общности значения распределяются на следующие лексико-семантические группы (ЛСГ): «Древесные растения», «Травянистые растения». ЛСГ «Древесные растения» включает в себя 52 номинативные единицы в 200 словоупотреблениях. ЛСГ «Травянистые растения» – 49 номинативных единиц в 185 словоупотреблениях.

Внутри каждой из лексико-семантических групп мы выделим лексико-семантические подгруппы более узкого объема. ЛСГ «Травянистые растения» включает в себя две лексико-семантические подгруппы – «Травы» и «Цветы».

К числу травянистых растений в ботанике относят травы и цветы. В лирике А.А. Ахматовой более частотное отражение занимает мир цветов, родовое понятие «цветок» употребляется чаще (28 контекстов), чем гипероним «трава» (19 контекстов).

Лексико-семантическая подгруппа «Травы» представлена в лирике А.А. Ахматовой 28 наименованиями, которые мы представим по степени убывания частотности употребления: бессмертник (иммортель) – 2, вереск – 2, донник – 1, земляника – 1, камыш – 3, клевер – 1, ковыль – 2, крапива – 4, лебеда – 5, лен – 2, лопух – 4, мох – 2, мята – 3, овес – 1, одуванчик – 2, осока – 1, перекасти-поле – 1,

плющ – 5, повилика – 1, подорожник – 2, полынь – 5, пшеница – 1, резеда – 1, рожь – 1, тростник – 2, хлопок – 1, хмель – 1, чертополох – 2.

А.А. Ахматова использует в своих стихотворениях и народнопоэтические номинации: *«Ах! – где те острова, / Где растет трын-трава / Густо...»* (А.А. Ахматова, «Ах! – где те острова...»).

По способу употребления номинаций травянистых растений можно выделить две группы: названия, употребляющиеся в прямом значении, и номинации, выступающие как средство антропоморфной символизации.

Примеров прямого употребления названий трав и цветов в поэтических текстах А.А. Ахматовой можно встретить множество: *«На сотни верст, на сотни миль, / На сотни километров / Лежала соль, шумел ковыль, / Чернели рощи кедров.»* (А.А. Ахматова, «На сотни верст, на сотни миль...»), *«Я лопухи любила и крапиву, / Но больше всех серебряную иву»* (А.А. Ахматова, «Ива»), *«Дворик зарос лебедой и мятой, / Ослик щипал траву у калитки...»* (А.А. Ахматова, «У самого моря»), *«Серафим – в леса Саровские / Стадо сельское пасти, / Анна – в Кашин, уж не княжити, / Лен колючий теребить»* (А.А. Ахматова, «Причитание»), *«Еще недавно плоская коса, / черневшая уныло в невиской дельте, / как при Петре, была покрыта мхом / и ледяною пеною омыта»* (А.А. Ахматова, «Приморский парк Победы»), *«Вход скрыл серебрящийся тополь / И низко спадающий хмель»* (А.А. Ахматова, «Маскарад в парке»), *«Чей дух извечно-молодой / Над этим краем веял, / Пустыню напоил водой / Прохладною / и золотой / Пшеницею засеял!..»* (А.А. Ахматова, «Покорение пустыни»).

В стихотворениях А.А. Ахматовой мы видим цветы и травы «любимые»: *«Я лопухи любила и крапиву...»* (А.А. Ахматова, «Ива»), *«Но мне милей смиренный подорожник...»* (А.А. Ахматова, «Надпись на книге «Подорожник»), *«Я люблю только радости мига / И цветы голубых хризантем»* (А.А. Ахматова, «Подражание И. Ф. Анненскому»); различимые по запаху: *«мятный запах», «полынью пахнет хлеб чужой», «водою пахнет резеда», «запах спелой ржи».*

Номинации трав используются в стихотворениях А.А. Ахматовой для локальной и географической индикации: *«И назвал мне четыре приметы страны,*

/ Где мы встретиться снова должны: / Море, круглая бухта, высокий маяк, / А всего непременно – полынь» (А.А. Ахматова, «По неделе ни слова ни с кем не скажу...»), *«Как будто ключи оставил / Хозяйке усадьбы своей, / А ветер восточный славил / Ковыли приволжских степей»* (А.А. Ахматова, «Тот август, как желтое пламя...»), *«Застонала белую чайкой / Над серой полынной степью, / Над пустынной, мертвой Корсунью»* (А.А. Ахматова, «У самого моря»), *«Серафим – в леса Саровские / Стадо сельское пасти, / Анна – в Кашин, уж не княжити, / Лен колючий теребить»* (А.А. Ахматова, «Причитание»).

В некоторых случаях названия травянистых растений служат локальными и темпоральными индикаторами: *«Как прошлое над сердцем власть теряет! / Освобождение близко. Все прощу, / Следя, как луч взбегаёт и сбегает / По влажному весеннему плющу»* (А.А. Ахматова, «Слаб голос мой, но воля не слабеет...»), *«Осень сменилась зимой дождливой, / В комнате белой от окон дуло; / И плющ мотался по стенке сада»* (А.А. Ахматова, «У самого моря»). Состояние этого растения в первом контексте показывает, что лирическое событие происходит весной, а во втором – осенью.

А.А. Ахматова сравнивает заросли крапивы с лесом: *«Почернел, искривился бревенчатый мост, / И стоят лопухи в человеческий рост, / И крапивы дремучей поют леса, / Что по ним не пройдет, не блеснет коса.»* (А.А. Ахматова, «Почернел, искривился бревенчатый мост...»), сравнивает растение с явлением природы: *«Иду между черных приземистых елок, / Там вереск на ветер похож...»* (А.А. Ахматова, «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»). Травы в стихотворениях А.А. Ахматовой могут стоять: *«Почернел, искривился бревенчатый мост, / И стоят лопухи в человеческий рост»* (А.А. Ахматова, «Почернел, искривился бревенчатый мост...»); отвечать: *«И ты смеешься беззаботным смехом. / Но хвойный лес и камыши в пруду / Ответствуют каким-то странным эхом...»* (А.А. Ахматова, «Памяти Пильняка»), *«Когда шуриат в овраге лопухи / И никнет гроздь рябины желто-красной, / Слагаю я веселые стихи / О жизни тленной, тленной и прекрасной»* (А.А. Ахматова, «Я научилась просто, мудро жить...»).

Среди антропоморфных признаков концептов растений можно назвать наличие голосовых характеристик. Шелест травы → звук: «*А я иду владеть чудесным садом, / Где шелест трав и восклицанья муз*» (А.А. Ахматова, «Пусть голоса органа снова грянут...»), «*Прошуми высокой осокой / Про весну, про мою весну*» (А.А. Ахматова, «Хорони, хорони меня, ветер...»); рост травы → звук: «*Так вокруг него непоправимо тихо, / Что слышно, как в лесу растет трава*» (А.А. Ахматова, «Творчество»), растение → речь: «*Но хвойный лес и камыши в пруду / Ответствуют каким-то странным эхом*» (А.А. Ахматова, «Памяти Пильняка»), растения → песня: «*И крапивы дремучей поют леса, / Что по ним не пройдет, не блеснет коса*» (А.А. Ахматова, «Почернел, искривился бревенчатый мост...»), «*За то, что дым сравнил с Лаокооном, / Кладбищенский воспел чертополох...*» (А.А. Ахматова, «Борис Пастернак»); растения → слова: «*Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда*» (А.А. Ахматова, «Мне ни к чему одические рати...»). Фитоним тростник репрезентирует поэтический дар, пророческий, свободный и независимый: «*Из мглы магических зеркал, / И над задумчивою Летой / Тростник оживший зазвучал*» (А.А. Ахматова, «Надпись на книге»).

По словам Э.В. Пугачевой: «...символ подорожника в поэзии А. Ахматовой олицетворяет не только гибель прошлого, но и косвенно указывает на возрождение лирической героини, которая оказалась «у дороги непроезжей». Обращаясь к еще одному значению подорожника «лекарственное растение», можно предположить, что он стал противоядием ситуации тех лет, следовательно, обретает иное звучание – символ вечной нетленной жизни, которая существует вне времени и событий» [5, с. 103]. «*Совсем не тот таинственный художник, / Избродивший Гофмановы сны, – / Из той далекой и чужой весны / Мне чудится смиренный подорожник*» (А.А. Ахматова, «Надпись на книге «Подорожник»).

Иногда травам придается отрицательно-оценочная семантика: «*В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице, / В тюремной камере и там, где злые птицы, / И травы пышные, и страшная вода.*» (А.А. Ахматова, «Памяти В.С. Срезнев-

ской). *Травы пышные* – синоним запустения (ср. ассоциации с брошенными могилами), трава (пышная) растет на местах без деятельности. Забытая могила зарастает травой, и Ахматова упоминает об этом в своих стихотворениях. А.А. Ахматова выбирает в качестве «растительных» символов забвения – *крапиву* и *чертополох*: *«Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит, / Крапиве, чертополоху / Украсить ее предстоит.»* (А.А. Ахматова, «Август 1940»), *«За то, что дым сравнил с Лаокооном, / Кладбищенский воспел чертополох...»* (А.А. Ахматова, «Борис Пастернак»). По словам Анны Зализняк «метафора забвения отражается в устойчивом фразеологическом словосочетании *быльем поросло* и его вариантах. Былье, собирательное существительное от слова *быль*, имеет значение «трава». Травой зарастают могилы, за которыми никто не ухаживает: выросшая на этих могилах трава символизирует уничтожение памяти о тех, кто в них похоронен» [1, с. 490].

В следующем стихотворении крапива, превращаясь в розу, трансформируется в символ памяти: *«И крапива запахла, как розы, но только сильнее, / Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых, / Их запомнили все мы до конца наших дней»* (А.А. Ахматова, «Небывалая осень построила купол высокий...»).

Обращает на себя внимание такое явление, как употребление двух номинаций для одной разновидности растения. Таким примером в лирике А. Ахматовой является употребление названий «иммортель» и «бессмертник», «лилия» и «крин». Бессмертник или иммортель, как известно, являются прекрасным сухоцветом и А.А. Ахматова упоминает об этом в своих стихотворениях: *«Бессмертник сух и розов. Облака / На свежем небе вылеплены грубо»* (А.А. Ахматова, «Бессмертник сух и розов. Облака...»), *«Сухо пахнут иммортели / В разметавшейся косе»* (А.А. Ахматова, «Жарко веет ветер душный...»).

Название ландыша А.А. Ахматова использует в виде субстантивного прилагательного «ландышевый». *«За ландышевый май / В моей Москве кровавой / Отдам я звездных стай / Сияния и славы»* (А.А. Ахматова, «За ландышевый май...»), *«Тот солнечный, тот ландышевый клин / Врывается во тьму декабрь-*

ской ночи» (А.А. Ахматова, «Памяти Пильняка»). В первом стихотворении А.А. Ахматова говорит о «ландышевом мае», так как ландыши цветут в мае. Во втором примере «ландышевый клин» – это отсылка на клиновидный лист ландыша.

В группу травянистых растений входят и цветочные растения. Наиболее частотной по употреблению является лексема, называющая родовое понятие *цветок (цветы)* – 28 раз.

Кроме родового наименования, А.А. Ахматова использует следующие номинации цветущих растений: роза – 38, мак – 10, нарцисс – 4, тюльпан – 4, фиалка – 4, хризантема – 3, гвоздика – 3, георгина – 2, левкой – 2, лилия – 2, анютины глазки – 1, маргаритка – 1, подснежник – 1.

Образы цветов занимают важное место в поэтической картине мира А.А. Ахматовой. Номинации цветущих растений появляются у А.А. Ахматовой собственно как часть пейзажа, изображающего реальную картину природы, которая есть в действительности: «...*И не бабочек брачный полет / Над грядой белоснежных нарциссов*» (А.А. Ахматова, «Если плещется лунная жуть...»), «*Моих друзей любовь, врагов моих вражду, / И розы желтые в моем густом саду, / И нежность жгучую любовника – все это / Я отдаю тебе – предвестница рассвета*» (А.А. Ахматова, «Завещание»), «...*Пускай вокруг неистовствует вьюга / Или фиалки горные цветут*» (А.А. Ахматова, «21 декабря 1949 года»). Образ цветущего растения у Ахматовой близок к растению реальному, биологическому, со своими особенностями цветения, местом цветения: «*Над Азией – весенние туманы, / И яркие до ужаса тюльпаны / Ковром заткали много сотен миль*» (А.А. Ахматова, «Какая есть. Желаю вам другую...»); способностью цвести в определенное время года: «*И загляделась я не на тебя совсем, / Но сколько предо мной ночных аллей-то / И сколько в сентябре прощальных хризантем*» (А.А. Ахматова, «Ты -- верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...»); служить напоминанием о Родине: «*О, зимние таинственные дни, / И милый труд, и легкая усталость, / И розы в умывальном кувшине!*» (А.А. Ахматова, «Покинув рощи родины священной...»); или просто доставлять эстетическое

наслаждение: *«Я к розам хочу, в тот единственный сад, / Где лучшая в мире стоит из оград...»* (А.А. Ахматова, «Летний сад»).

Сложная цветовая гамма трав и цветов, насыщенные тона и остро подмеченные оттенки, прямое и метафорическое употребление «цветовых» прилагательных, существительных, глаголов – все это есть у А.А. Ахматовой. Приведем лишь некоторые цветообозначения: желтей трава – желтый одуванчик – золотой пшеницею – розы желтые – желто-розовых роз, плющ темно-зеленый – травинки зеленых, бессмертник розов – красен мак – розы алой – красный тюльпан, васильковые очи – голубых хризантем, серой полынной степью, левкоев белых – белые нарциссы – белоснежных нарциссов – забелеет прозрачный подснежник – белые розы – белой хризантеме, черные тюльпаны.

Люди нередко приписывают растениям человеческие качества, в поэтических текстах А.А. Ахматовой также часты случаи, когда цветы уподобляются человеку. На растения переносятся соматические признаки. Цветы и травы как будто повторяют строение человека, у них есть:

– ноги: *«Но стоял, как на коленях, клевер, / Влажный ветер пел в жемчужный рог...»* (А.А. Ахматова, «Запад клеветал и сам же верил...»), *«Солнце лежало на дне колодца, / Грелись на камнях сколопендры, / И убегало перекасти-поле, / Словно паяц горбатый кривляясь...»* (А.А. Ахматова, «У самого моря»), *«А раскрашенные ярко / Прямо стали георгины / Вдоль серебряной дорожки, / Где улитки и полынь»* (А.А. Ахматова, «Столько раз я проклинала...»);

– голова: *«И сердце трепетно сжималось, как от боли, / А бледные цветы качали головой...»* (А.А. Ахматова, «Лилии»).

Символизация цветов происходит и на основе их сопоставления с различными состояниями человека, поэтому цветы могут переживать такие же чувства, как и люди, им свойственно говорить: *«Когда последний друг отвел глаза, / Она была со мной в моей могиле / И пела, словно первая гроза, / Иль будто все цветы заговорили»* (А.А. Ахматова, «Музыка»); умирать: *«И странный спутник был мне послан адом, / Гость из невероятной пустоты. / Казалось, под его недвижным взглядом / Замолкли птицы – умерли цветы»* (А.А. Ахматова, «И странный

спутник был мне послан адом...»); спать: *«То в инее ярком блеснет, / Почудится в дреме левкоя»* (А.А. Ахматова, «Любовь»). Все эти состояния А. Ахматова передает при помощи олицетворения.

Можно встретить в поэзии А.А. Ахматовой и образы, созданные на основе сходства цветка с насекомыми, в этом случае метафора базируется на функции насекомых летать. Цветы анютиных глазок ассоциируются у Ахматовой со стаей бабочек: *«И анютиных глазок стая / Бархатистый хранит силуэт, – / Это бабочки, улета, / Им оставили свой портрет»* (А.А. Ахматова, «И анютиных глазок стая...»).

В поэзии А.А. Ахматовой грамматическая категория рода у номинаций растений соблюдается, и названия травянистых растений, являющихся существительными мужского рода, в поэтических текстах, соотносятся со словами, обозначающими лиц мужского пола.

Микрополя отдельных цветов ярко индивидуальны. Например, мак в восприятии А.А. Ахматовой ассоциируется с кровью: *«И где пока что нет героя, / Но кровлю кровью залил мак»* (А.А. Ахматова, «Еще одно лирическое отступление»). Но красный цвет мака может употребляться и просто описанием цветов: *«Вдруг подобрело темное море, / Ласточки в гнезда свои вернулись, / И сделалась красной земля от маков, / И весело стало опять на взморье»* (А.А. Ахматова «У самого моря»), *«Заснуть огорченной, / Проснуться влюбленной, / Увидеть, как красен мак»* (А.А. Ахматова, «Заснуть огорчённой...»). Поскольку цветок уподобляется человеку, то обращается внимание не только на его строение, но и на внешний облик, а именно на одежду, которая ассоциируется с определенным признаком того или иного цветка. Цветение мака Ахматова ассоциирует с головным убором: *«...Где на четырех высоких лапах / Колокольни звонкие бока / Поднялись, где в поле мятный запах, / И гуляют маки в красных шляпах, / И течет московская река»* (А.А. Ахматова, «Под Коломной»). Мак традиционно появляется, когда в тексте описывается ночь, также упоминаются явления, связанные с этим временем суток – сон, тишина: *«Сразу стало тихо в доме, / Облетел по-*

следний мак, / Замерла я в долгой дреме / И встречаю ранний мрак» (А.А. Ахматова, «Сразу стало тихо в доме...»), *«Ноченька! / В звездном покрывале, / В траурных маках, с бессонной совой»* (А.А. Ахматова, «Статуя «Ночь» в летнем саду»), *«Не дышали мы сонными маками, / И своей мы не знаем вины»* (А.А. Ахматова, «Не дышали мы сонными маками...»), *«Там по белым дурманным макам / Серой тучей ползут войска»* (А.А. Ахматова, «Там по белым дурманным макам...»), *«Но мы от этой нежности умрем / ... повсюду третья / оставляет никогда вдвоем, / Как призрак отлетевшего столетья. / ...душит мак...»* (А.А. Ахматова, «Но мы от этой нежности умрем...»). Как видим основным значением мака в поэзии А.А. Ахматовой является «сон» и «смерть».

Неотъемлемой составляющей цветочного описания в поэзии является запах, который опредмечивается в цветке: *«От роз струится запах сладкий, / Трещит лампадка, чуть горя»* (А.А. Ахматова, «Протертый коврик под иконой...»), *«Привольем пахнет дикий мед, / Пыль – солнечным лучом, / Фиалкою – девичий рот, / А золото – ничем»* (А.А. Ахматова, «Привольем пахнет дикий мед...»). Запах цветов также передает географическую принадлежность: *«В ту ночь мы сошли друг от друга с ума, / Светила нам только зловещая тьма, / Свое бормотали арыки, / И Азией пахли гвоздики»* (А.А. Ахматова, «Из цикла «Ташкентские страницы»).

Анализ показал, что в поэтическом дискурсе А.А. Ахматовой флористическая лексика выполняет значимую функциональную нагрузку. Отмечена многозначность видов травянистых растений, а также взаимодействие образной палитры сюжетов, создающей изменчивость прочтения символов. Поэтическое слово в поэзии А.А. Ахматовой представляет собой сложную семантическую структуру с предметно-логическим и коннотативным содержанием, включающим эмоционально-оценочные, эмоционально-экспрессивные и эстетические компоненты значения. Анализ наименований растений в лирике А.А. Ахматовой позволил выявить особенности функционирования языковых единиц в поэтическом дискурсе поэтессы.

А.А. Ахматова широко использовала арсенал лексических средств русского языка, создающих образы природных реалий в индивидуально-авторской картине мира. В ходе исследования были выявлены индивидуальные признаки, характерные для мировидения А.А. Ахматовой. В лирике А.А. Ахматовой эмоциональный мир героини эксплицируется с помощью природной лексики, употребленной как в прямом, так и в метафорическом значении.

Посредством выразительных средств А.А. Ахматова создает свой эмоционально окрашенный авторский языковой мир: белый траур черемух, серебрящийся тополь, сосен розовое тело, сумасшедшая липа, блаженные липы, взволнованные кедры становятся поэтическими доминантами ее поэтической индивидуально-авторской картины мира. Перспективой дальнейшего исследования является комплексное изучение образных средств, лежащих в основе метафоризации природы в лирике А.А. Ахматовой.

Список литературы

1. Зализняк А.А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 485–506.
2. Ахматова А.А. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017. – 1007 с.
3. Бутакова Л.О. Человек – мир – речь. Индивидуально-авторская картина мира в творчестве поэта Тимофея Белозерова / Л.О. Бутакова // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). – Ч. 1. – Омск, 2000. – С. 94–119.
4. Пономарева А.Ю. К вопросу о соотношении национальной, индивидуально-авторской и художественной картин мира / А.Ю. Пономарева // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февраля 2016 г.). – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2016. – С. 16–22.

5. Пугачева Э.В. Трансформация символа «розы» в поэзии Анны Ахматовой / Э.В. Пугачева // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2014. – №10. – С. 102–105.

Полякова Анна Николаевна – студентка Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Россия, Симферополь.

Сегал Наталья Александровна – д-р филол. наук, доцент Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Россия, Симферополь.
